

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

LITERARY DIMENSION

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-1-111-127

EDN: GBGCAO

Научная статья / Research article

Чукотский текст в цикле стихотворений Геннадия Ояра «Йӱдвел тулсавыш»: чужое/свое в авторской картине мира

Р.А. Кудрявцева

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

✉ kudsebs@rambler.ru

Аннотация. Исследование выполнено в рамках актуального научного направления, связанного с изучением локальных текстов в национальных литературах. Представлено изучение локального текста, определяемого концептом-локусом, а именно дан филологический анализ чукотского текста в современной марийской лирике. Материалом исследования стал чукотский цикл стихотворений Геннадия Ояра «Йӱдвел тулсавыш» («Северные сполохи»), созданный на марийском языке, с привлечением в отдельных случаях авторизованных переводов на русский язык. Используются приемы контекстуального, концептуального и структурно-семантического анализа локальных текстов. Рассмотрены актуальные для формирования чукотского текста художественные приемы и средства (топонимы, специфические природные явления и образы, пейзаж, объекты жизнедеятельности и приметы национального быта, материальной и духовной культуры, фольклорно-мифологические образы и мотивы, отдельные языковые вкрапления). В рамках заявленной проблемы «чужое/свое» в авторской картине мира исследован комплекс последовательно реализуемых мотивов (ожидание, страх, открытие, удивление, восхищение, сближение, принятие, признание родственности душ), составляющих лирический сюжет; изучены принципы и приемы включения в «чукотский текст» марийского мира, ностальгические ноты и авторские рефлексии чукотского через марийское. Исследован авторский «миф» о Чукотке как о пространстве культуры северного народа, отличающемся экстремальными природными условиями, онтологической и одновременно героической сущностью людей, сохраняющих свою мифологию и традиции; доказано, что познание «чужого» позволило Ояру по-настоящему оценить «свое» и утвердиться в марийской этноидентичности.

© Кудрявцева Р.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: локальный текст, концепт-локус, современная марийская поэзия, Сабанцев-Ояр Г., авторский «миф», лирический цикл, локальный субтекст, мотивный комплекс

История статьи: поступила в редакцию 12.10.2024; принята к печати 12.12.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Кудрявцева Р.А.* Чукотский текст в цикле стихотворений Геннадия Ояра «Йӱдвел тулсавыш»: чужое/свое в авторской картине мира // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 1. С. 111–127. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-111-127>

The Chukchi Text in the Cycle of Poems by Gennady Oyar “Ydvel Tulsavys”: Other/Own in the Author’s Worldview

Raisiya A. Kudryavtseva^{ID}

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation,

✉ kudsebs@rambler.ru

Abstract. This research work was carried out within the framework of a relevant scientific field related to the study of local texts in national literatures. The article presents a study of the local text defined by the concept locus, namely, a philological analysis of the ‘Chukot text’ in modern Mari lyrics. The research material is the Chukot cycle of poems by Gennady Oyar ‘Northern Flashes’, created in the Mari language, with the involvement of authorized translations into Russian in some cases. The paper uses the techniques of contextual, conceptual, and structural-semantic analysis of local texts. The author of the article considers artistic techniques and means relevant to the formation of the ‘Chukot text’ (toponyms, specific natural phenomena and images, landscape, objects of vital activity and signs of national life, material and spiritual culture, folklore and mythological images and motifs, individual linguistic inclusions). Within the framework of the stated problem of ‘Other/Self’ in the author’s worldview, a set of consistently realized motives (expectation, fear, discovery, surprise, admiration, rapprochement, acceptance, recognition of kinship of souls) that make up the lyrical plot is studied; principles and techniques of inclusion in the ‘Chukot text’ of the Mari world, nostalgic notes and author’s reflections are studied. Chukotka through Mari. The author’s ‘myth’ about Chukotka as a cultural space of the northern people, characterized by extreme natural conditions, the ontological and at the same time heroic essence of people who preserve their mythology and traditions, is investigated; it is proved that the knowledge of the ‘Other’ allowed the Oyar to truly appreciate his ‘Self’ and establish himself in the Mari ethno-identity.

Key words: local text, conceptual locus, modern Mari poetry, Sabantsev-Oyar G., author’s ‘myth’, lyrical cycle, local subtext, motif complex

Article history: received 12.10.2024; accepted 12.12.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Kudryavtseva, R.A. 2025. “The Chukchi Text in the Cycle of Poems by Gennady Oyar ‘Ydvel Tulsavys’: Other/Own in the Author’s Worldview.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (1), 111–127. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-111-127>

Введение

Геннадий Ояр (Геннадий Леонидович Сабанцев, род. в 1958 г.) — народный поэт Республики Марий Эл (2015), широко известный и марийскому, и русскоязычному читателю своими стихотворениями национально-философской направленности; он автор множества поэтических книг, вышедших на его родном (марийском) языке¹ и в переводе на русский язык — авторизованном и его коллег-поэтов². Объектом исследования в данной статье стал его чукотский цикл, озаглавленный в оригинале «Йӱдвел тулсавыш»³ ‘Северные сполохи’ и вошедший в сборник «Шӱмсавыш» ‘Отзвуки сердца’ (2008); в переводе на русский язык под названием «Чукотский цикл»⁴ он представлен в книге автора «Всполохи сердца» (2014).

Чукотская тема в лирике Ояра — это результат «перевода» в литературный текст внетекстовой реальности; стихи чукотского цикла созданы в период его пребывания на Чукотке (2003–2008) и под влиянием чукотских событий и переживаний. Поэт жил в Певеке, административном центре Чаунского района Чукотского автономного округа (написал слова для гимна этого города), работал корреспондентом районной газеты «Полярная звезда» (учредитель — издательство «Крайний Север»), а также был директором — главным редактором газеты «Беринговский вестник», издававшейся Беринговским филиалом издательства «Крайний Север».

Стихотворения Ояра из его чукотского цикла никогда не становились объектом специального изучения, хотя об особенностях его творчества — философичности, этноориентированности и образной символике — писалось довольно много [1–5]. Была заявлена попытка рассмотрения лирики Ояра в контексте «филологической проблемы национального текста в переводах на русский язык», и на примере его творчества определен «круг поэтических приемов и средств, позволяющих реконструировать национальный текст» [6. С. 287]. Что касается локальных текстов Ояра, организуемых вокруг географических объектов и обозначенных концептами-локусами, то они впервые

¹ См.: *Сабанцев Г.* Чытамсыр курым: почеламут-влак. Йошкар-Ола : Марий книга издательство, 1987. 96 с.; *Ояр Г.* Нумалтыш: почеламут-влак, поэма. Йошкар-Ола : Марий книга савыктыш, 1993. 158 с.; *Ояр Г.* Шӱмсавыш: почеламут-влак, поэма. Йошкар-Ола : Марий книга савык-тыш, 2008. 322 с.; *Ояр Г.* Илышпӱрдем: поэзий ойпого. Йошкар-Ола : «Марий книга издательстве» савыктыш пӱрт, 2018. 480 с.

² См.: *Сабанцев-Ояр Г.* Светом единым: стихи / пер. Г. Смирнова. Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 2003. 88 с.; *Ояр Г. (Сабанцев Г. Л.).* Всполохи сердца: стихи. Йошкар-Ола : ГУКП Республики Марий Эл «Марий журнал», 2014. 198 с.; *Ояр Г.* Припадаю к истокам : книга поэзии / пер. с марийского. Йошкар-Ола : Изд. дом «Марийское книжное издательство», 2023. 415 с.

³ *Ояр Г.* Йӱдвел тулсавыш // *Ояр Г.* Шӱмсавыш: почеламут-влак, поэма. Йошкар-Ола : Марий книга савыктыш, 2008. С. 127–150. Далее везде цитируется это издание, страницы цитат указываются в тексте в квадратных скобках.

⁴ *Ояр Г.* Чукотский цикл (Переводы автора) // *Ояр Г. (Сабанцев Г.Л.).* Всполохи сердца : стихи. Йошкар-Ола : ГУКП Республики Марий Эл «Марий журнал» : Стринг, 2014. С. 154–185.

становятся предметом специального научного изучения. Но заметим, что в целом в марийской литературной науке имеется несколько работ о подобных локальных текстах (см. статьи о «моркинском» [7], «сернурском» [8], «шекля-нурском» [9] текстах).

Ояровский «чукотский текст» можно считать частью «чукотского сверхтекста» российской многонациональной литературы (чукотские повести, рассказы, очерки и роман «Воскресшее племя» В. Тана-Богораза, повесть «Чукотка» и роман «Алитет уходит в горы» Т. Семушкина, «Территория» О. Куваева, очерковая книга «На земле Чукотской», повесть «На севере дальнем» и романы «Быстроногий олень», «Белый шаман» и «Древний знак» Н. Шундика, неоконченная книга В. Богомолова «Жизнь моя, иль ты приснилась мне...», сборник рассказов о Чукотке «Закон полярных путешествий» А. Мифтахутдинова и др.), представляющего, как любой локальный сверхтекст, «сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» [10. С. 13]. Соответственно, данная статья призвана дополнить научные знания о «чукотском тексте / сверхтексте», имеющиеся в современном литературоведении [11–13 и др.].

В центре внимания автора данной статьи не только выявление смыслового центра (авторского «мифа») чукотского текста в цикле «Северные сполохи», но и осмысление взаимопроникновения «чужого» и «своего» на уровне авторской картины мира и поэтики текста.

Результаты и обсуждение

Основу сверхтекста, как, собственно, и локального текста, составляет, как отмечает Н.Е. Меднис, «образно и тематически обозначенный центр, фокусирующий объект, который в системе внетекстовые реалии-текст предстает как единый концепт сверхтекста. В роли такого центра для топологических сверхтекстов выступает тот или иной конкретный локус, взятый в единстве его историко-культурно-географических характеристик» [10. С. 9–10]; в качестве текстовых элементов локального субтекста («локальных координат, систематизированных и подвергающихся преобразованию на пути от реальности фактической к реальности художественной» [10. С. 10]), выступает «система природных и культурных образов (знаков) плюс предикаты, способы выражения предельности, пространства и времени, фамилии, имена, числа, элементы метаописания (театр, декорация, роль, актер и т.п.), единый лексико-понятийный словарь, мотивы и другое» [10. С. 11].

«Единый концепт» чукотского текста в цикле Ояра «Северные сполохи» определяется авторским «мифом» о чукотском пространстве, которому присущи «устоявшиеся константные природные, ландшафтные, климатические, архитектурные и бытоописательные особенности» [14. С. 16]; этот миф и «формирует представление о роли и основной идее пространства в культуре» [14.

С. 16–17] в традиционном и индивидуально-авторском ее понимании. До Ояра уже имелись мифы в «чукотских текстах» его предшественников, например русских писателей, с характерными способами описания локуса (темами, образами, мотивами, символами и др.). Так, миф своего «чукотского текста» О. Куваев в романе «Территория» определяет как «библейское сотворение мира и человека из первозданного хаоса», как северное братство, как население «сильных людей, пассионариев, героев» [12] — как местных, так и пришлых. В романе Т. Семушкина «Алитет уходит в горы» представлен миф об автономности и автохтонности чукотского мира.

«Миф» Ояра имеет пантеистическую природу: Чукотка — это пространство всемогущей природы, испытывающей человека и высвечивающей пределы человеческих возможностей. А коренные жители края, чукчи, в этом смысловом контексте соотносятся не столько с этнонимом «чаучу» (в переводе ‘богатый оленями’), сколько с этнонимом «луораветланы», что на чукотском языке означает ‘настоящие люди’.

Чукотское («чужое» в фактической реальности) в художественной реальности Ояра постоянно соприкасается со «своим» — родным, марийским. «Своим» начинается цикл, им же он и заканчивается. В первом стихотворении «Корныш лекме годым» (Перед отправлением в дорогу) поэт обещает помнит то, что связывает его с малой родиной, напомнив читателю о народных традициях прощания и «подбросив» ему несколько марийских *ойөрö*⁵, например о том, что нельзя оборачиваться, выйдя в путь, — иначе не будет счастья, а будет зло (беда):

*Мӱнгеш савырнашат ок йӱрӱ,
Лекмеке корнышко, вигак.*

*Тыге тый лӱдыктет пилым,
Лач шикш гай южым кормыжтет
Да сай олмеш эртак осалым
Ужат тый коштмо корнышитет* [С. 127–128].

Нельзя поворачиваться назад,
На дорогу, по которой вышел, сразу.

Так спугнешь ты счастье.
Схватишь [букв. сожмешь в кулак. — Р.К.] лишь воздух, похожий на дым,
И вместо хорошего всегда зло
Ты будешь видеть на дороге, по которой ходишь.

⁵ Ойөрö (запрет, табу) — короткий жанр марийского фольклора, выражающий вековую мудрость народа мари, обобщающий его жизненный опыт, содержащий запрет на совершение каких-либо действий, на использование каких-то слов и предметов. «Ойөрö по своей структуре представляют своеобразную формулу и состоят из двух частей. Первая часть — это собственно запрет со словом *ок /о йӱрӱ* ‘не годится’; вторая часть — лаконичное изложение последствий нарушения запрета, реже причины его существования» [15. С. 12].

Первое стихотворение заканчивается обещанием постоянно хранить в сердце краски и голоса родного края:

*Да корно кургыла налам мый
Ик сѳрымемым шѳмышкем:
Тѳсдам ужам, йѳкдам колам мый
Эртакак
коштмо корныштем* [С. 128].

И как дорожную еду я положу [букв. корм возьму. — Р.К.]
В свое сердце одно свое обещание:
Вижу ваш облик, слышу ваш голос
Все время
на своем пути.

В оппозиции «чужое/свое» у Ояра предпочтение отдается «своему» и демонстрируется высокая степень этнической самоидентификации поэта:

*Мый кызыт раиш палем: кеч-куш ом кае,
Могай йылман коклаште мый ом лий, —
Кодам чонем ден ялт тунамсе гае —
Колумбын манмыла, шѳм-мокиш йотке марий!* [С. 150]

Я сегодня четко знаю: куда бы ни уезжал,
Среди языком каким владеющих я б ни был, —
Душою остаюсь таким же, как тогда, —
Как сказал бы Колумб, мари до сердца-печени!

Но «чужое/свое» в значении «чукотское/марийское» у марийского поэта дано не по принципу противопоставления, как у С. Есенина в цикле «Персидские мотивы» (красивая и холодная экзотика и родное, настоящее: «Как бы ни был красив Шираз, / Он не лучше рязанских раздолий⁶; Сердцу снится страна другая. / Я спою тебе сам, дорогая, / То, что сроду не пел Хаям...»⁷); в ояровском варианте этой оппозиции более сложные отношения: «чужое» для поэта невероятно интересное, мощное и очень близкое, а к ностальгии по «своему» присоединяются благодарная память и ностальгия по «чужому», ставшему «своим» в процессе активных познавательных усилий Ояра-автора и его лирического субъекта в художественной реальности.

Взаимопроникновение «чужого» и «своего» в цикле во многом объясняется близостью языческой культуры мари и шаманизма, анимизма чукчей — все они являются природными верованиями. Так, про анимизм чукчей всегда говорится, что это «персонифицирование и обоготворение отдельных областей и явлений природы (хозяева леса, воды, огня, солнца, оленей и т. п.), многих

⁶ Есенин С. Собрание сочинений : в 3 томах. Том 1 / общ. ред. и вступит. ст. Ю.Л. Прокушева. Москва : Правда, 1977. С. 244.

⁷ Там же. С. 249.

животных (медведя, ворона), звезды, солнце и луну; вера в злых духов, причиняющих все земные бедствия, включая болезни и смерть»⁸. То же свойственно традиционной религии мари, которую Г.Е. Шкалина называет марийским шаманизмом (см. об этом: [16]).

Динамика лирического сюжета, которая, наряду с общей чукотской темой, авторской концепцией и оппозицией «чужое/свое» (композиционно-смысловым принципом), призвана объединять все стихотворения цикла в единое художественное целое, основана на системе последовательно сменяющих друг друга (в отдельных случаях сочетающихся) мотивов: ожидание, страх, открытие, удивление, преодоление страха, восхищение, сближение, принятие, ощущение родства. В этом контексте важнейшее значение приобретают формирующие чукотский текст художественные приемы и средства: топонимы, образные центры, пейзаж, элементы портрета, приметы национального быта, материальной и духовной культуры, фольклорно-мифологические образы и мотивы, языковые вкрапления и т. д. Постепенно читатель получает представление о Чукотском крае и населяющих его людях; а наличие оппозиции «чужой/свой» позволяет ему видеть и марийский мир, с которым по рождению связан автор стихотворений о Чукотке.

Собственно-чукотская тема входит в цикл с авторской мыслью о безмерно далеком и незнакомом для мари крае, куда самолет летит всю ночь на запредельной высоте, от чего у лирического героя замирает сердце (стихотворение «Каваште» 'В небе'). В третьем стихотворении цикла «Чукотка дене вашлиймаш» 'Встреча с Чукоткой' эта мысль подтверждается целым рядом авторских определений: *мланде тўрыи* 'на край земли'; *Эше тенгече, мо тыгае Чаун, / Пален ыш керт мемнан марий чонна* [С. 129] 'Еще вчера, что такое Чаун, / Не могли и знать наши марийские сердца'. Она является смысловым центром и стихотворения «А мый тылат тышечын эрым...» 'А я тебе отсюда утро...': *...Пел мланде гоч эртен* [С. 131] '...Пройдя полземли...'; *...палет, моткоч умбалне, / Кушан ок ыре вўд, / Кушан кия сандалык-мланде, — / Ила кум тылзе йўд* [С. 131] '...знаешь, очень далеко, / Где не прогревается вода, / Где лежит вселенная-земля, — / Ночь три месяца живет'. Это стихотворение уже насыщено топонимами, непосредственно формирующими «чукотский текст» Ояра, первые из них — это Чукотка и Чаун (река, протекающая по территории Чаунского района Чукотского АО); при этом продолжает сохраняться этноним «марийский», помогающий автору художественно реализовать мотивы ожидания и открывания нового (чужого) мира. Постепенно в стихотворении появляются и другие топонимические образы, а также астрономические образы, значимые для изображаемого места, — как обобщенные, так и конкретные (знакомые автору названия даны в марийском варианте): *Йўдвел* 'Север', предельно понятный и дорогой для собеседника лирического героя, прожившего на Чукотке полвека и приросшего к ней душой, но для самого лирического героя в начале его знакомства с краем — это дикий Север

⁸ Чукчи. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Чукчи> (дата обращения: 30.10.2024).

(*Ир Йүдвел*); *Певек* (*Российын тиде эн йүдвел олаже...* [С. 129] ‘Это самый северный город России’); *Иянше Океан* ‘Ледовитый океан’; *Полярный шүдүр* ‘Полярная звезда’; *Чолпан* (марийское название планеты Венера).

В стихотворении «Встреча с Чукоткой» также обращаем внимание на пейзажные зарисовки, которые содержат традиционные образы природы Чукотского края (белые чайки, белый медведь, дикий холод, сопка) и призваны передать волнение и удивление лирического героя от увиденного, а также вводят читателя в суть чукотского «мифа» (представляют чукотское пространство как экстремальную природную среду, стихию, испытывающую человека на прочность):

*Кум тылзе веле южио тыште шокио,
Индешыже — ош маскалан пайрем.
Кок сер воктен шуйна радамын сопка,
Тудат ок керт ир йүштым авырен* [С. 129–130].

Здесь только три месяца воздух теплый,
А девять — праздник для белого медведя.
Меж двух берегов рядами тянется сопка,
И она не может дикий холод заслонить.

Как обычно, к этой «чужой» (необычной) природной картине Ояр добавляет свою (марийскую) деталь, ассоциируя чукотскую чайку с серым лебедем на реке Какшан (по-русски Кокшага):

*... Чайка вуй үмбалне
Ялт комбо йүк ден кычкырал колта.
Маннеже мо: «Йокрокым ида пале...»,
Какшан сер комбым койын кенета?* [С. 130]

... Чайка над головой
Прокричала точь-в-точь голосом лебедя.
Может, хочет сказать: «Не грустите...»,
Вдруг ставши серым лебедем с Кокшаги?

Такое сравнение заметно усиливается в стихотворении «А я тебе отсюда утро...», написанном в виде обращения к близкому человеку из Марий Эл (на наш взгляд, такое жанрово-композиционное решение также можно рассматривать как форму присутствия «своего» рядом с «чужим»). Лирический герой, уже вроде принявший суровый чукотский мир и отправляющий в подарок своему адресату не что-то, а именно чукотское утро, продолжает ностальгировать по своей родине. Самым приятным занятием (*тамле сомыл*) в этом стихотворении для него является долгий и красивый сон рядом с близким человеком из родного мира, когда отвлекаешься от страшного «ора» дикого северного ветра. А в следующем стихотворении «Нигуш йокрок деч ом керт таче шылын...» ‘Нигде сегодня не могу спрятаться от грусти...’

приятное — это песня Ыывана Смирнова, звучащая с кассеты и согревающая родным теплом. В начале стихотворения заявляется знакомая и близкая поэту орнитологическая (*кукун куанжым* ‘радость кукушки’) и другая природная образность (*шошо пеледалтым* — цветение весны), ассоциируемая с марийским миром; но она очень быстро сменяется вдохновенным, лирическим рассказом о заснеженной бухте, ледоходе «Летучий Голландец», прокладывающем дорогу последнему судну, уносящему с собой до весны солнечный свет (*Могай уверым кондыш гын ты мландыш? / Виса умбаке корным кушкыла?* [С. 132] ‘И какую же новость он принес на эту землю? / И куда дальше он мерит свой путь?’), замещать который лирическому герою будет «прибывший» в холодный Чукотский край в кассете марийский артист Ыыван Смирнов.

Мотив заинтересованного изучения и узнавания чукотского мира, а также восхищения им в стихотворении «Кў пеледыш» (Каменный цветок) входит через образ женщины-художника, восполняющей скудость северной растительности в искусстве камня, через воссоздание самого процесса творчества (создание каменного цветка):

*Тудлан кўлеш ал малахит,
Я канде сото лазуритын,
Ужар лышташ гай тўс нефритын —
Шинча кумен чыла пала:
Ўйга, пўчкеш да перкала...
Амалкала тўс дене тўсым* [С. 132–133].

Ей нужен алый малахит,
Или голубизна светлого лазурита,
Как зеленый лист, цвет нефрита —
С закрытыми глазами все знает:
Точит, режет и стучит...

Подбирает [букв. занимается, работает, ловчит. — Р.К.] цвет к цвету.

Не случаен в чукотском тексте образ именно женщины-художницы — так, по принципу «этнического бессознательного», автор вновь обращается к «своему тексту» (вышивальщице, коими у мари, как правило, были женщины), утверждает единство творческих душ, творческого духа разных народов, так входит в цикл мотив родственного сближения «чужого» и «своего» в авторской концепции мира:

*Ушем дене ужам мый тидым:
Ялт весе
шўртым шып кереш,
Тўрла лыжган ош вынереш...
Туштат пелед кая пеледыш!
Туштат моторлык — чон леведыш!..
Икгае улыт шўртё, кў, —
Кунам мастарлык шып ок кий...* [С. 133]

В уме я вижу следующее:
 Совсем другая
 протыкает тихо нитью,
 Вышивает плавно на белом холсте...
 И там зацветет цветок!
 И там красота — сердцу радость [букв. сердца покрывало. — Р.К.]!
 Одинаковы нитки, камень, —
 Когда не дремлет мастерство...

Наиболее ярким средством реализации авторского «мифа» в «чукотском тексте» Ояра являются образные центры, главным из которых является мифопоэтический образ «южака». Южак — это главная особенность города Певека; это «самый сильный в мире постоянный ветер», который «ослепляет, буквально разрезая глаза лезвиями мелких льдинок, рвет на части шубы, ломает кости, гнет металл»⁹, это злой дух в чукотской мифологии. По преданию чукчей, город Певек (название, по одной из версий, дано по соседней горе Пээкиней — с чукотского пэвэк, пээк «толстый, вздутый» [17. С. 324], по другой, распространенной в народе, происходит от двух чукотских слов «Пагыт-кэнай», которые переводятся как ‘гора пахучая’¹⁰) был построен вопреки воле северных богов и злые духи наложили проклятье, которое действует до сих пор: «люди для южака — не тяжелее щепок», «южак, который может дуть, не ослабевая, неделями, как будто по-прежнему стремится изгнать всех людей из Певека»¹¹. В стихотворении упоминается также традиционное собирательное название злых духов в чукотской мифологии — «Келе», в контексте стихотворения оно напрямую соотносится с образом Южака.

Ояр детально, в ужасающих подробностях, воспроизводит дикое буйство злого духа — хозяина мира (*Ок ужыс нимомат вийлан — / Оза лач тудо тўнялан!..* [С. 134] ‘Не видит ведь ничего сильного — / Только он хозяин в мире!..’), делающего человека, казалось бы, максимально беспомощным. Это стихотворение является ключевым с точки зрения авторской концепции чукотского мира. Создавая в чукотском цикле авторский «миф», Ояр опирался на традиционное представление об образе жизни чукчей: «...это единство и борьба с суровой природой Арктики. Человек — часть природы, но она же подвергает его суровым испытаниям. Выжить — значит победить»¹². Южак — это форс-мажор (непредсказуемое обстоятельство, непреодолимая сила), символ человеческого подавления, однако концовка стихотворения передает автор-

⁹ Южак: ветер, который могут вынести только чукчи // Назад в прошлое. URL: <https://vk.com/@old.history-uzhak-veter-kotoryi-mogut-vynesti-tolko-chukchi> (дата обращения: 15.09.2024).

¹⁰ Аюшкин Н. Город Певек. URL: https://vk.com/wall81664867_34446?w=wall81664867_34446 (дата обращения: 15.11.2024).

¹¹ Южак: ветер, который могут вынести только чукчи // Назад в прошлое. URL: <https://vk.com/@old.history-uzhak-veter-kotoryi-mogut-vynesti-tolko-chukchi> (дата обращения: 15.09.2024).

¹² Чукчи // Национальная политика: информационный портал. URL: <https://национальнаяполитика.рф/nationalities/Чукчи> (дата обращения: 22.09.2024).

скую мысль об умении северного человека жить в дикой и непредсказуемой природе, выжить (побеждать) и дальше жить:

*Түтэн олян-олян лушка — <...>
Йырвашын тымык авалта...
А ме уремыш лектына,
Адак пашашке ваикена.
Да кажне иктым лач шона:
Илен лекна гын — илена!.. [С. 134]*

Буря медленно-медленно стихает — <...>
Вокруг воцаряется тишина...
А мы выходим на улицу,
Снова спешим на работу.
И каждый думает только об одном:
Выжили — живем!..

Образ северного человека в его отношении к Южаку Ояр завершает в стихотворении «Певекын шонгыенжылан» (Певекскому старику), снова указав на его внутреннюю мощь и благородство: «Южак» мардежлан туп ден савырналтын / Йүдвел айдеме ыи кошт нигунам... [С. 138] ‘Повернувшись к ветру «Южака» спиной, / Никогда не ходил северный человек’.

Важное значение Ояр придает воссозданию состояния переживающего бурю человека (в стихотворении «Южак» — от безмерного испуга, растерянности до успокоения); марийский поэт в своих чувствах и мыслях един со всеми, разделяет общее состояние. Такое же эмоциональное единение автора с чукотским миром мы видим в стихотворениях, посвященных весне (Певекышке пөрткайык толын ‘В Певек прилетели воробьи’; Шошо шўлыи тыштат шижалтеш... ‘Весеннее настроение ощущается и здесь...’):

*Түнө йўштө, но чонышто сай.
Кенета, ёрын, иктым шоналтышым:
Нигөат тышеч чылт ынеж кай
Нимогае кечан шокио мландышке... [С. 140]*

На улице холод, но на душе хорошо.
Вдруг, удивившись, подумал об одном:
Никто ведь отсюда не хочет уезжать
Ни на какую солнечную теплую землю...

В стихотворении «Кузе шочеш йүдвел тулсавыш» ‘Как рождаются северные всполохи’ (название стихотворения перекликается с названием всего цикла) впервые раскрывается ключевой метафорический образ «чукотского текста» — северные сполохи; он выражает в нем проявление (раскрытие) народной души (Трук почылтешыс калык чон [С. 134] ‘Вдруг ведь открывается народа сердце’ и реализует мотив восхищения «чужим» (чукотским) — силой

и талантом народа, «организованно» живущего при матери-природе и сохраняющего свою культуру:

*...Кушта ансамбль «Эргырон».
Кап модмо дене, йўк вий дене,
Йонген-йонгалтише бубен ден
Каласкала — кучен от сенге! —
Чыталише калыкише нерген [С. 134].*

...Танцует ансамбль «Эргырон».
Игрой тела, силой голоса,
Звонко звенящим бубном
Рассказывает — не удержаться! —
О волевом своем народе.

Семицветные северные сполохи, украсившие небо после концерта национального ансамбля «Эргырон»¹³, Ояр осмысляет как благодарность от природы (прародителя) представителям этого «волевого народа».

Не обычное для любого «чужака» на чукотской земле природное явление мы видим и в стихотворении «Полярная ночь»:

*Пел кавам кумдан айлалын,
Тулора гай шонанпыл,
Ах, модеш, шыман лойгалын,
Тўрлө тўкын йыл-йыл-йыл [С. 136].*

Полнеба широко охватив,
Радуга, словно куча огней,
Ах, играет, нежно колыхаясь,
Загораясь, разными цветами.

По эпистолярной форме произведение похоже на стихотворение «А я тебе отсюда утро...», но уже знакомые по нему мотивы узнавания и принятия дополняются здесь восхищением, вызванным многочисленными сполохами, украсившими вдруг бесконечную полярную ночь и вселившими людям надежду на скорый конец ночи.

Образ неожиданных и красивейших сполохов в полярной ночи, создаваемый с помощью тропов, междометия «Ах», а также традиционного марийского звукоподражания *йыл-йыл-йыл*, придает стихотворению философский подтекст: автор размышляет о закономерности жизненного цикла (о невечности тьмы, о неизбежности «рассвета», подчеркнутого и в названии чукотско-эскимосского ансамбля из предыдущего стихотворения); уникальные северные сполохи в стихотворении ассоциированы со счастьем, ожидаемым каждым человеком:

¹³ «Эргырон» — государственный академический чукотско-эскимосский ансамбль (существует с 12 мая 2020 г.). Слово «эргырон» с чукотского языка переводится как «рассвет».

*Лач тыге коштеи тўняиште
Кажнын шонымо пиал —
Толын лектын иканаиште,
Авалта, волгалтыи ал...* [С. 137]

Именно так бродит в мире
Ожидаемое каждым счастье —
Появилось в одночасье,
Захватило, света мощь...

Народ Чукотки в его радостях и несчастьях сопровождает верховный бог (так же и у мари, оберегаемого Большим Белым Богом); он назван по имени (Пэликэн) и также формирует «чукотский текст» (*Шинчылтеи шкетак тораиште, / Ягылге тулгўм йыген...* [С. 136] ‘Сидит один вдали, / Потирая отшлифованный кремень’). В стихотворениях «Певекскому старику» и «Певекышке пёрткайык толын» ‘В Певек прилетели воробы’ народу, находящемуся под защитой Пэликэна, Певеку, чукотским чайкам и воробьям, кораблям Ояр желает продолжения жизни, весенней радости, счастливой судьбы.

Одним из структурно-смысловых компонентов «чукотского текста» в цикле «Северные сполохи» является золото. Аксиологическое решение Ояром этой темы очень напоминает взгляд О. Куваева на Чукотку в романе «Территория»: «Золото в этой системе ценностей — лишь „презренный металл“, за который где-то в другом мире жертвуют жизнью и платят деньги. На Территории оно — лишь предлог, повод для работы» [12]. Внимание марийского поэта также привлечено не к самому золоту (*Кызыт ынде — лач музей арвер* [С. 142] ‘А теперь — только музейный предмет’), а к тем, кто его добывает, к тому, какой трудоемкий процесс — добыча золота (*Рокым ег кандаи пўжвўд лекмешке / Курык наре кугытым шоктеи* [С. 143] ‘До восьмого пота человек землю / Примерно с гору просеивает’). Ценность — не золото, а солнце белого севера: *Ош Йўдвелын шўртньō гае кече* [С. 143] ‘У белого Севера солнце, как золото’. Чукотского золотодобытчика Ояр представляет как человека свободной души: *...Шўмжым тудо четлыкеш ок пече — / Шўртным лушко айдемак кодеи!..* [С. 143] ‘...Душу он не заточает в клетку [букв. не загораживает в клетке. — Р.А.] — / Остается добывающим золото человеком!..’.

Мотивами восхищения и родства (единства) с чукотским миром объединены несколько стихотворений, в которых пространство «чукотского текста» автор дополняет целым рядом локусов и топонимов: в стихотворении «2004 ий, 8 апрель» (2004 год, 8 апреля) — островом и селом на краю земли под одинаковым названием Айон (в переводе с чукотского «эйу-, эйо- ‘оживать’ — остров служит местом отдыха и нагула (‘оживления’) оленей» [18. С. 58]); в стихотворении «Полярный станцийыште» ‘На Полярной станции’ — станцию «Полярка»; в стихотворении «Шижде йўдрўдын толын...» ‘Внезапно появившись в центре ночи...’ — Чаунское море (в авторском тексте *Чаун тенгыз* — Ояр так обозначает Чаунскую бухту или Чаунский залив, Чаунскую губу — арктический залив в Восточно-Сибирском море, в Чаунском районе Чукот-

ского АО; он называет его морем, очевидно, ориентируясь еще и на этимологию слова Чаун — в переводе с чукотского оно обозначает море); в стихотворении «Колыма» — Колыму (Колымский край, включающий в себя реки Билибинского района Чукотки).

Выносливых и принципиальных людей, живущих и работающих в Айоне, автор называет героями: *Тышак илаш герой лийманак* [С. 144] ‘Чтоб здесь жить, нельзя не быть героем’. Поет гимн специалистам «Полярки», живущим среди льдов и работающим профессиональнее, точнее, чем околосемные метеоспутники. Под руководством своего северного друга-метеоролога учится слушать и слышать чукотскую природу, смело выходит на берег Чаунского моря и беседует с ним по-человечески, говорит об экзамене на мужество и верность, который бухта устраивает людям. По своему желанию и в поисках себя поэт едет на Колыму; отталкиваясь от размышлений о ее дурной славе в истории страны (место ссылки и гибели многочисленных «врагов народа») и о ее следах в современности (*Күан да кылме рок үмбалне, / Мардеж йымалне, кызытат / Айдеме чондымо барак-влак / Лулеге семын шын шогат* [С. 148] ‘На каменной и ледяной земле, / Под ветрами, и сейчас / Бараки без человеческой души / Тихо стоят, как скелеты’; *Ойган, шомакдыме чапкүла Пеле оралте-влак шинчат* [С. 148] ‘Как печальные, безмолвные памятники, / Расположены полустроения’, обозначив свою рефлексию по поводу глубокой людской печали, Ояр создает образ современной трудовой Колымы, среди холода и льдов сохранившей ‘горячее сердце внутри’ (...*шокошо тудын көргө шүм* [С. 148])).

Завершает чукотскую тему в цикле марийского поэта образ ромашки из стихотворения «Певекык висвисше» ‘Ромашка Певека’ — это привычный для поэта на родине и очень ожидаемый всеми после полярной ночи яркий цветок на северной земле, а также единственное кафе Певека, названное автором по-марийски («Висвис»), утоляющее печаль души лирического субъекта.

В последнем стихотворении «Шүм-чон ок шинче кужытын кужужым...» ‘Душа не знает протяженности длины...’ лирический герой, понявший и принявший специфику чукотского мира и по-родственному слившийся с ним, весь сосредоточен на марийском. Предваряющее его аналогичное по семантике стихотворение — «Кызыт тыйын кундемыште...» ‘Сейчас в твоём краю...’ — написано как воспоминание о родине, весне (мае), любимой женщине — с желанием воочию увидеть родные места, где бурно цветет черемуха, где подсохшая и уже зеленая земля (*Ужар мланде — топланыше* [С. 141]), с романтической просьбой к любимой женщине выйти встретить его, когда созреют ягоды черемухи (в собственном переводе Ояр озаглавил это стихотворение как «Ожидание возвращения»).

Из этих двух стихотворений видно, что познание «чужого» позволило автору по-настоящему оценить «свое»: холод на родине — это «цена жизни» (*илышын ак*), но он совсем не навязчив и не страшен, он не способен заморозить его «храброе сердце» (*чон дене йыгытым*) («Сейчас в твоём краю...»); в переведенных на русский язык и изданных в Москве стихах Семена

Николаева он теперь уже однозначно видел марийскую душу (*Рушла гычат йонча шўм-чон марийын — / Вўришерысе вўр семын коштеда* [С. 150] ‘И через русский просачивается марийца душа — / пульсирует’ [букв. ходит, как в пульсе кровь. — Р. К.] («Душа не знает протяженность длины...»)).

В русскоязычном варианте чукотского цикла Ояра завершающим является стихотворение «Прощание с Провиденьем» (его нет в марийском варианте), вводящее новый топоним (Провиденье — бухта в *Анадырском заливе Берингова моря*, у юго-восточного берега *Чукотского полуострова*, с морским портом) и обобщающее огромное значение северного (языческого) края в жизни и судьбе марийского поэта:

И значит небу так угодно,
 Чтоб я с тобой побыл еще чуток,
 Чтобы с тобою о бок на сегодня
 Связался узел всех моих дорог¹⁴.
 Но будет день — средь суеты, обмана.
 (В каком опять далеком далеке?)
 Твои дожди,
 и пурги,
 и туманы
 Вдруг вспомнятся — и не бывать тоске¹⁵.

Заключение

Итак, рассмотренный нами «локальный текст» марийского поэта Геннадия Ояра, сформированный им в цикле «Северные сполохи», определяется концептом-локусом «Чукотка» (пространство культуры северного народа, отличающееся экстремальными природными условиями, онтологической и одновременно героической сущностью людей, живущих в них и сохраняющих свою мифологию и традиции). Чукотский текст художественно сконструирован: основу его лирического сюжета составляет комплекс последовательно реализуемых мотивов (ожидание, страх, открытие, удивление, восхищение, сближение, принятие, признание родственности душ); при формировании «локального текста» востребованы в качестве художественных приемов и средств топонимы (Чукотка, Певек, Чаун, Айон, Колыма и др.), специфические природные явления и образы (полярная ночь, буря-южак — центральный образ с точки зрения авторского «мифа», чайки, сопки и др.), пейзаж, объекты жизнедеятельности («Полярка», кафе «Ромашка», ледокол «Летучий Голландец» и др.) и приметы национального быта, материальной и духовной культуры (каменный цветок, созданный женщиной-художницей из северных камней-самоцветов; вера в природных богов, ансамбль «Эргырон» и т. д.),

¹⁴ Ояр Г. Чукотский цикл (Переводы автора) // Ояр Г. (Сабанцев Г.Л.). Всполохи сердца: стихи. Йошкар-Ола : ГУКП Республики Марий Эл «Марий журнал»: Стринг, 2014. С. 184.

¹⁵ Там же. С. 185.

фольклорно-мифологические образы (Пэликэн, Южак, Келе) и мотивы, незначительные языковые вкрапления, главным образом, в названиях населенных пунктов (Чаун, Певек, Айон), культурных явлений (эргырон) и чукотских языческих богов. «Чукотский текст» утверждает авторскую мысль об умении северного человека жить в дикой и непредсказуемой природе, выжить (побеждать) и дальше жить.

Композиционно-смысловым принципом ояровского цикла становится наличие оппозиции «чужой/свой», что позволяет автору в чукотский текст активно включать марийский мир, но не по принципу противопоставления, а скорее сопряжения (сравнивать и связывать, находить точки соприкосновения, проникать друг в друга, объединять), что во многом связано с природосообразностью существования и природно-языческой культурой народов (чукчей и мари). Марийская тема реализуется через специальные «марийские» стихотворения («Сейчас в твоём краю...», «Душа не знает протяжённость длины...»), а также образы марийского мира, вкрапленные в «чукотские» стихи (черемуха, образы любимой, друга, антропонимы, которых нет в чукотской линии лирического повествования, однако есть в марийской, — Йыван Смирнов, Колумб и в рамочном тексте последнего стихотворения Семен Николаев), специфическую марийскую лексику (звукоподражания), представление (перевод и словесная игра) известных русских слов-названий чукотского пространства на родном языке автора (Йүдвел, Иянше Океан, «Чонештылше Голландец», полярный йүд, «Висвис»). Важными с точки зрения оппозиции «чужое/свое» являются ностальгические ноты по родному и авторские рефлексии чукотского через марийское; в свою очередь, познание «чужого» позволило автору по-настоящему оценить «свое», прочнее утвердиться в своей этнической идентичности.

Список литературы

1. *Бояринова Г.Н.* Марийская поэзия: сверяя голос с правдой жизни // *Край соловьиный : поэзия марийских авторов : антология : в 2 томах.* / пер. с марийского. Йошкар-Ола : Изд. дом «Мар. кн. изд-во», 2020. Том 1. С. 3–18.
2. *Манаева-Чеснокова С.* Ноша поэта Геннадия Ояра // *Сабанцев Г.Л.* Вспохои сердца: стихи. Йошкар-Ола : ГУКП Республики Марий Эл «Марий журнал», 2014. С. 186–195.
3. *Михайлов В.Т.* Поэт Г. Сабанцев-Оярын сыльнымут тўняже // *Художественная культура народов Волго-Камского полиэтнического региона в парадигме современности: сб. ст.* Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т., 2015. С. 112–119. EDN: VAMLCX
4. *Кудрявцева Р.А., Старыгина Н.Н., Любимов Н.И. и др.* Современная марийская лирика: художественные модели мира и поэтика творческой индивидуальности : колл. монография. Йошкар-Ола : Мар. гос. ун-т., 2022. 181 с. EDN: TOHSQG
5. *Арзамазов А.А.* Марийско-удмуртские поэтические параллели и контрасты. Опыт компаративного прочтения : монография. Казань : Изд-во АН РТ, 2022. 316 с. EDN: GEFXXL
6. *Старыгина Н.Н., Кудрявцева Р.А.* Марийский национальный текст в русских переводах (на материале стихотворений Геннадия Ояра) // *Полилингвистичность и транскультурные практики.* 2023. Т. 20. № 2. С. 283–297. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-2-283-297> EDN: LAWVX
7. *Кузьмин Г.В.* «Моркинский текст» в марийской прозе (к постановке проблемы) // *Litera.* 2018. № 3. С. 22–27.

8. Кудрявцева Р.А. «Сернурский текст» в лирике Зои Дудиной // *Litera*. 2024. № 10. С. 13–30. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71948 (дата обращения: 01.11.2024). <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2024.10.71948> EDN: OXOASS
9. Кудрявцева Р.А. «Шеклянурский текст» в романе Йывана Осмина «Между небом и землей» // *Litera*. 2023. № 11. С. 126–145. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69118 (дата обращения: 20.09.2024). <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.11.69118> EDN: NCNJAO
10. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2003. 170 с. URL: <https://raspopin.den-za-dnem.ru/pic-00004/2021-pdf/Mednis-sverh.pdf> (дата обращения: 10.09.2024). EDN: VXHJAT
11. Авченко В. Самая необъятная книга о Великой Отечественной войне и ее афтершоках. URL: <https://unost.org/authors/vasilij-avchenko/samaya-neobyatnaya-kniga-o-velikoj-otechestvennoj-vojne-i-eyo-aftershokah/> (дата обращения: 11.12.2024).
12. Сухих И. Территория Олега Куваева // *Литературная газета*. 2015. 8 апр. Вып. 6504. № 14. URL: <https://lgz.ru/article/territoriya-olega-kuvaeva/> (дата обращения: 15.10.2024).
13. Семьяшкин Р. Тихон Семушкин: пионер Крайнего Севера. URL: <https://rus-lad.ru/news/tikhon-syemushkin-pioner-kraynego-severa/> (дата обращения: 13.11.2024).
14. Яшина К.И. Локальные тексты в творчестве Беллы Ахмадулиной : дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2021. 203 с. URL: <https://diss.unn.ru/files/2021/1176/diss-Yashina-1176.pdf> (дата обращения: 15.11.2024).
15. Абукаева Л.А. Лингвопрагматический аспект употребления марийских запретов // *Проблемы марийской и сравнительной филологии* : сб. ст. / отв. ред. Р.А. Кудрявцева Йошкар-Ола : Мар. гос. ун-т, 2016. С. 12–15.
16. Шкалина Г.Е. Священный мир марийский. Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 2019. 303 с.
17. Поспелов Е.М. Географические названия мира : топонимический словарь / отв. ред. Р.А. Агеева. 2-е изд., стереотип. Москва : Русские словари: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. 512 с.
18. Леонтьев В.В., Новикова К.А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР / науч. ред. Г.А. Меновщиков ; ДВО АН СССР. Сев.-вост. Комплекс ; НИИ лаб. археологии, истории и этнографии. Магадан : Магад. кн. изд-во, 1989. 456 с.

Сведения об авторе:

Кудрявцева Раисия Алексеевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры финно-угорской и сравнительной, Марийский государственный университет, Российская Федерация, 424002, Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1. ORCID: 0000-0001-8933-5955, eLibrary SPIN-код: 1169-1030, WOS Research ID: F-5952-2014. E-mail: kudsebs@rambler.ru